

— А я прямо из Сочи поехал в Москву, в ИЗМИРАН, на секцию, где в повестке дня первым пунктом значилось представление моей диссертации.

— Секция должна была состояться, как обычно, сразу после обеда в понедельник, а с утра я появился у Лобачевского.

— Ну, как, привезли отзывы? - спросил меня Лев Алексеевич.

— А разве Поляков не прислал Вам сюда в ИЗМИРАН? Он мне телеграфировал в Сочи, что пошлёт отзыв Вам.

— От Полякова есть две телеграммы - мне и Беньковой, что он одобряет Вашу работу и согласен быть оппонентом. И вот ещё письмо для Вас.

— Я вскрыл конверт. Это было очень доброжелательное письмо, содержащее и характеристику моей работы, и всякие полезные замечания, но это не было официальным отзывом! Валерий Михайлович писал, что на данном этапе его официальный отзыв не требуется, но он всегда готов оказать мне всяческую поддержку. Я показал письмо Лобачевскому.

— Это не то. Нужен официальный отзыв, идите, просите Бенькову или кого хотите. Я же Вам говорил, что без отзыва я Вас на секцию не поставлю.

— Я вышел из кабинета. Ну, ёлки-палки... К Беньковой я, конечно, не пошёл. Чего зря канючить. Отправился в гостиницу, завалился на кровать, подремал немного. Потом встал и понёс плакаты, которые с прошлого раза ещё оставались в гостинице, в ионосферный отдел к Ситнову с Дёминовым в комнату. Так, на всякий случай. Вдруг понадобятся всё же, так чтобы не бежать в гостиницу. Хотя на что надеяться? Выступать сегодня не придётся.

— Пообедал в измирановской столовой и отправился к конференц-залу. Лобачевский прошёл с обеда к себе наверх. Я остановил его:

— Лев Алексеевич, отзыва я не добыл, так что снимайте меня с повестки.

— Ну что же. Значит, в следующий раз.

— До начала заседания осталось минут десять. Я прохаживался перед конференц-залом, куда потихоньку уже стягивался народ. Сверху спустился Владимир Васильевич Мигулин и ни с того, ни с сего вдруг обратился ко мне: — Здравствуйте, Александр Андреевич. Готовы к бою?

— Да вот, откладывается моё выступление.

— А в чём дело?

— От Полякова отзыв должен был прийти, а он прислал только телеграмму.

— А в телеграмме положительное мнение?

— Да.

— Ну, так телеграммы достаточно.

— Можно выступать?

— Конечно, выступайте. Чего тянуть.

— Я сиганул наверх в кабинет к Лобачевскому.

— Лев Алексеевич! Мигулин разрешил выступать. Сказал, что телеграммы Полякова достаточно.

— Ну, ладно. Давайте, раз Мигулин разрешил. Только учтите, он на секции будет минут сорок, а потом уйдёт, так что не тяните резину.

— Бегом вниз. Налетел на Марата Дёминова.

— Марат, миленький, сбегай за плакатами, буду выступать: Мигулин разрешил.

— Марат побежал за плакатами, я приготовил слайды. Пока члены секции отмечали свою явку и Лобачевский объявлял повестку дня, Марат обернулся, помог мне развесить плакаты, и я начал своё выступление с не слишком большой задержкой.

— Выступал я вдохновенно, слушали меня хорошо. Мигулин, по своему обыкновению, дремал, сохраняя, впрочем, твёрдую посадку и не опуская головы. Бенькова, Марс,

Зевакина, Цедилина - ведущие ионосферщики - присутствовали в зале. Совету Лобачевского не тянуть резину я не придал особого значения и полностью выбрал предоставленные мне для выступления сорок минут. Ещё до начала дискуссии, когда задавали вопросы, Мигулин незаметно покинул зал. Вопросы все были безобидные, пустяковые, в том числе и Натальи Павловны. Марс вопросов не задавал. А когда вопросы кончились, и Лобачевский предложил желающим выступить с оценкой работы, Марс не стал мешкать и вышел на сцену.

— Выступил он в своём традиционном стиле, темпераментно демонстрируя, главным образом, недоумение - что же, мол, нового сделано в работе? - абсолютно не прибегая при этом к хоть какой-нибудь аргументации. То есть он не утверждал, что такие-то и такие-то мои результаты получены раньше и другими, а просто долдонил на разные лады одно и то же: мол, всё это известно, какие-то параметры зачем-то дёргаются и непонятно, кому и зачем это нужно. Он заявил, что диссертацию читал, но отзыв писать отказался, так как считает, что это только бы повредило диссертанту, которому он, разумеется, только добра желает. И ему непонятно, почему товарища вообще выпустили на секцию без внутреннего отзыва в нарушение всех порядков. И ещё он сомневается в принадлежности многих результатов автору, возможно, что они вообще получены в Калининградском университете другими людьми, Латышевым, например. Надо бы отчёты КГУ проверить было. Короче, он считает, что это не докторская диссертация.

— После Марса выступали Зевакина, Дёминова, Керблай, Кушнеревский, Шапиро, Шоя и, не вступая с Марсом в полемику, говорили всякие тёплые слова о работе, но - увы! - это всё были не доктора, а кандидаты наук. Наталья Павловна сказала пару невнятных фраз в том духе, что работа скорее всего докторская, но ей некоторые формулировки не нравятся, кажутся нечёткими. Наконец, Лобачевский предоставил мне заключительное слово.

— Я отвечу только на критические замечания Марса Нургалиевича, поскольку только у него они и были. О новизне. Я выношу на защиту следующие положения, - и я кратко их перечислил, - они получены мной, а не кем-нибудь другим, получены впервые, и существование этих положений здесь никем, в том числе и Марсом Нургалиевичем, не подвергалось сомнению. Даже тех из них, а именно вывод о недостаточности изменений нейтрального состава для формирования отрицательных ионосферных бурь и о необходимости привлечения разогрева сверху, которые противоречат положениям самого Марса Нургалиевича, сформулированным им не так ещё давно в его докторской диссертации. По крайней мере, уж это-то положение он должен признать новым. Или неверным. Но Марс Нургалиевич просто никак его не комментирует, не опровергает и в то же время не видит новых результатов. Так что все упреки в отсутствии новизны мне представляются голословными, и я хотел бы услышать возражения по существу тех положений, которые я сформулировал.

— Что касается официального отзыва, то его написание было поручено Марсу Нургалиевичу. Он несколько месяцев изучал мою диссертацию, а отзыв отказался написать в самый последний момент перед предыдущей секцией, на которой я должен был представить свою работу. По совету Льва Алексеевича я обратился с просьбой об отзыве для секции к Валерию Михайловичу Полякову, ведущему специалисту по ионосферному моделированию в Союзе. Валерий Михайлович дал согласие быть оппонентом у меня на защите и телеграфировал об одобрении моей работы сюда в ИЗМИРАН, полагая, что официальный письменный отзыв на данной стадии прохождения диссертации не обязателен. Владимир Васильевич счёл достаточным наличие этой телеграммы и разрешил мне выступить на секции.

— Что касается вклада Латышева и других сотрудников КГУ в получение представленных в диссертации результатов, то он состоит в проведении вычислительных работ, что и отмечено в самой диссертации. Я использовал наши совместные публикации, тексты которых написаны лично мной, к тому же все эти результаты совместных работ получены под моим научным руководством. Это зафиксировано во всех отчётах,

имеющихся в ИЗМИРАН. Мой личный вклад состоит в разработке постановок всех задач, в участии в проведении вычислений, а главное, весь анализ, интерпретация и обобщение результатов численных расчётов проведены лично мной, что отвечает нормам и требованиям ВАК.

— Ну, что же, - начал подводить итоги Лобачевский. - У нас, конечно, не должно быть сомнений, что работа Намгаладзе докторского уровня. Мы его работы давно знаем, как и работы всего коллектива, которым он руководит. Но тем не менее, мне кажется, что его работа ещё недостаточно обкатана, мало обсуждалась как диссертация. Тем более, что имеются такие мнения, как у Марса Нургалиевича. Я полагаю, что всё же ему следовало бы заручиться официальными отзывами докторов наук, прежде чем выходить на защиту.

— Я предлагаю, - вдруг подняла руку Елена Евгеньевна Цедилина, - пусть он выступит на семинаре у Гуревича в ФИАНе. Если его работу там одобрят, то уж мы тогда сможем смело рекомендовать к защите.

— Других предложений нет? - спросил Лобачевский.

— Других предложений не было.

— Так и решим, - заключил Лобачевский. - Второй раз мы уже слушать эту работу не будем, а заслушаем только дополнительные отзывы, из ФИАНа и откуда ещё он добудет. Тогда и решим окончательно вопрос о рекомендации к защите.

— После секции Лобачевский, а потом и Дёминов с Ситновым упрекали меня в том, что я сам себе всё испортил, затянув выступление:

— Надо было при Мигулине успеть всё прокрутить. При Мигулине Марс ни за что бы не вылез, тем более что Мигулин сам тебя на секцию вытащил. Но и так тоже ничего страшного. Даже хорошо, что Марс сейчас выговорился, это лучше, чем на защите с ним сцепиться. Члены Совета этого очень не любят. А разбираться, кто прав, кто виноват, там уже никто не будет.

А тут ещё Герман Гусев ко мне пристал после секции. Он что-то не понял в нашем переходе к лагранжевым переменным при моделировании экваториальной ионосферы. Я стал ему объяснять, он не соглашался с моими рассуждениями, мы спорили как ненормальные, до ругани, и так друг друга и не убедили. Спор этот возобновлялся потом ещё несколько раз, и каждый раз мы с ним накалялись как утюги, переходя от формул к личностям и обвиняя друг друга в элементарной неграмотности.

Наконец, наши мнения почти сошлись. Как часто бывает, истоки непонимания таились в терминологии, когда в одни и те же слова вкладывается совершенно разный смысл. Но и после примирения Герман продолжал считать меня неправым уже хотя бы в том, что в моём положении не защитившегося ещё диссертанта неприлично так яростно спорить и возражать на замечания.

- Тебе положено только благодарить и кланяться, благодарить и кланяться, - поучал он. - Это же первая заповедь диссертанта, а ты чуть ли не в драку лезешь.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)